

С. Г. Веригин

КАРЕЛЬСКИЙ ВОПРОС В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ФИНЛЯНДИИ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена исследованию слабо разработанной в отечественной историографии проблеме — так называемому «карельскому вопросу» в национальной политике финских оккупационных властей на оккупированной территории Карелии в 1941–1944 гг. Автор показывает, что эта политика имела глубокие корни, сложившиеся еще в 1918 — начале 1920-х годов, во время Гражданской войны и иностранной военной интервенции на территории Карелии. Ее инициаторами стали члены Карельского академического общества. В основе оккупационной политики финских властей в 1941–1944 гг. лежала идея о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы и другие финно-угорские народы, а русские, проживавшие на этой территории, были переселены сюда насильно и представляют собой мигрантов. Исходя из этого, их предполагали выселить из Карелии в захваченные немцами другие регионы Советского Союза. На анализе конкретных исторических фактов в статье раскрываются формы и методы работы финской оккупационной администрации по воспитанию карел и вепсов Советской Карелии в период оккупации республики в духе «единения с Великой Финляндией». Большую роль в этом процессе играли газеты, радио, финские национальные праздники. Определенное место в статье отводится освещению работы финских национальных школ, созданных для учеников финно-угорских национальностей Карелии в 1941–1944 гг. Главная цель обучения учеников также состояла в пропаганде идеи «Великой Финляндии», которая включала и территорию Восточной Карелии. В статье отмечается, что национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг., направленная на решение «карельского вопроса» на базе присоединения Восточной Карелии к Финляндии, не принесла желаемых результатов. Финским властям не удалось вбить клин между русским и финно-угорскими народами и привлечь на свою сторону советских карелов, вепсов, финнов. Более того, те, кого они пришли освободить от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей страны. Библиогр. 25 назв.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, «карельский вопрос», национальная политика, Восточная Карелия, финский оккупационный режим.

Для цитирования: Веригин С. Г. Карельский вопрос в национальной политике Финляндии в период Второй мировой войны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 1. С. 26–42. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.103

S. G. Verigin

THE KARELIAN QUESTION IN THE NATIONAL POLICY OF THE FINNISH DURING THE SECOND WORLD WAR

The article is devoted to the research of an understudied subject in Russian historiography: the so-called “Karelian question” in the national policy of the Finnish occupational authorities on the occupied territory of Karelia from 1941 to 1944. The author shows the policy had deep roots running from 1918 to the beginning of the 1920s during the civil war and foreign military intervention on the territory of Karelia. Members of Karelian academic society were its instigators. The main idea of the occupational policy of the Finnish authorities in 1941–1944 was that only Karelians and other Finno-Ugrian peoples were Karelian indigenous people, and the Russians living on that territory were settled there there forcibly. Therefore, they must be expelled from Karelia to other regions of the Soviet

Веригин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет, 185910, Российская Федерация, Петрозаводск, пр. Ленина, 33; verigin@psu.karelia.ru

Verigin Sergey Gennadievich — Doctor in History, Professor, Director of the Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University, 33, pr. Lenina, 185910, Petrozavodsk, Russian Federation; verigin@psu.karelia.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Union that had been captured by the Germans. Based on an analysis of concrete historical facts, the article reveals forms and methods of the Finnish occupational administration's work on education of Karelians and Veps of Soviet Karelia during the period of the republic's occupation in the spirit of "the union with Great Finland". Newspapers, radio and Finnish national holidays played a major role in that process. A special part of the article is also devoted to an illustration of the works of the Finnish national schools, created for the pupils of the Finno-Ugrian nationalities of Karelia in 1941–1944. The main aim of pupils' education was an advocacy of the idea of "Great Finland" including the territory of Eastern Karelia. The article notes that the national policy of the Finnish occupational regime in Karelia from 1941 to 1944 which aimed at solving "the Karelian question" by connection of Karelia to Finland didn't bring the desired results. The Finnish authorities didn't manage to force a wedge between Russian and Finno-Ugrian peoples and carry over Soviet Karelians, Veps and Finns. Moreover, those who were supposed to be released from Russian captivity, upheld independence of their country along with Russian and other peoples of the Soviet Union with the force of arms. Refs 25.

Keywords: the Great Patriotic War, 'the Karelian question', national policy, East Karelia, Finnish occupational regime.

For citation: Verigin S. G. The Karelian question in the national policy of the Finnish during the Second World War. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2017, vol. 62, issue 1, pp. 26–42. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2017.103

Различные аспекты национальной политики финских оккупационных властей на территории Восточной (Советской) Карелии в период военных действий на Карельском фронте в 1941–1944 гг. нашли свое отражение в работах финляндских и российских исследователей [Лайне 1990, 1994, 1995; Сеппяля 1995; Куломаа 2006; Макуров 2005; Морозов 1983; Веригин 2011 и др.]. В последние годы на русском языке изданы работы финляндских историков [Мейнандер 2014; Васара 2007, 2008, 2009, 2010 и др.], в которых содержатся сведения, касающиеся различных аспектов формирования и усиления в Финляндии в межвоенный период русофобии и русофобских настроений. Эта проблема нашла отражение в публикациях известного российского историка В. Н. Барышникова [Барышников 2011, 2014].

Несмотря на наличие довольно большого количества научных исследований, посвященных национальной политике финских оккупационных властей на захваченной территории Восточной (Советской) Карелии в 1941–1944 гг., многие ее аспекты, в том числе и так называемый «карельский вопрос», до сих пор не нашли еще достаточно полного освещения в российской историографии. В частности, слабо рассмотрен вопрос о том, как и когда стала вырабатываться будущая концепция всей системы оккупационной политики Финляндии на планируемых к захвату территориях России. В опубликованных работах недостаточно представлены реальные инициаторы данной концепции, их влияние на осуществление национальной политики на оккупированной территории Советской Карелии в 1941–1944 гг., а главное, результативность такой политики финских оккупационных властей. В связи с этим в данной статье предпринята попытка восполнить пробелы в историографии проблемы.

В 1941–1944 гг. «карельский вопрос» стал одним из центральных во внешней политике Финляндии, которая в эти годы была союзницей нацистской Германии и развернула боевые действия против войск Красной Армии на Северо-Западе СССР. В этот период была предпринята попытка военно-политического руководства соседней страны присоединить Восточную (Советскую) Карелию к Финляндии, и эта цель объяснялась необходимостью «воссоединения финнов и карел в составе единого финляндского государства».

Но прежде чем приступить к освещению вопроса о попытках финской администрации решить «карельский вопрос» во время оккупации Восточной Карелии в 1941–1944 гг., необходимо подчеркнуть, что эта политика имела глубокие исторические корни, сложившиеся еще в 1918 — начале 1920-х годов во время Гражданской войны и иностранной военной интервенции на территории Карелии. Именно тогда была предпринята первая попытка присоединить часть территории Восточной (Российской) Карелии к Финляндии, но она потерпела крах.

Сторонники этой идеи, многие из которых являлись студентами и участвовали в так называемых «племенных войнах», создали в Финляндии в 1922 г. Карельское академическое общество. Главная задача этой организации состояла в воспитании у населения чувства единства Финляндии и Восточной Карелии, в формировании представлений об общности истории и судеб финского, карельского и вепсского народов. В это общество вошла и часть тех карел, которые по разным причинам в начале 1920-х годов бежали с территории Восточной Карелии в Финляндию. Авторы книги «История карельского народа» отмечают: «За короткий период в начале 1922 г. в Финляндию бежало свыше 12 000 восточных карел. Многие, очевидно, уходили от надвигающихся военных действий, но несомненно, что бежали и от большевистской мести, голода и советской власти. Ранее в Финляндию перебралось из Восточной Карелии около 3500 человек» [Киркинен, Невотайнен, Сихво 1988, с.254]. В Советском Союзе Карельское академическое общество считалось крайне реакционной националистической организацией, которая ставила задачу отторгнуть от СССР территорию Восточной (Советской) Карелии и присоединить ее к Финляндии.

Для осуществления этой идеи членам Карельского академического общества «помогли» итоги советско-финляндской (Зимней) войны 1939–1940 гг. Потеря в этой войне Карельского перешейка и Приладожской Карелии оценивалась в Финляндии как несправедливая и ущемляющая национальные интересы страны. В обществе зрели настроения о возвращении потерянных земель, как только для этого сложатся подходящие условия.

После Зимней войны руководство Финляндии идет на сближение с Германией, так как стали ясны планы Гитлера напасть на Советский Союз. На протяжении 1940 — весны 1941 г. проходили немецко-финляндские совещания. Финляндия на этих переговорах стремилась определить свою собственную роль в будущей войне: отвечать за участок фронта от Финского залива до Ухты. К северу от Ухты ответственность за состояние фронта должна была лежать на Германии.

По мере приближения войны между Германией и Советским Союзом в правящих кругах Финляндии снова возрос интерес к Восточной Карелии, питавшийся надеждами не только вернуть в будущей войне территории, утраченные по Московскому мирному договору 12 марта 1940 г., но и расшириться за счет Восточной Карелии. Вновь воскресли планы о Великой Финляндии: о возможности включить родственные финнам народы Карелии (карелов, вепсов, ингерманландцев и др.) в число граждан Финляндии, осуществить то, что не удалось сделать на рубеже 1920-х годов.

Еще до начала войны против СССР, в апреле 1941 г., президент Финляндской Республики Ристо Рюти дал задание активистам — членам национальных организаций подготовить научные исследования о будущем Восточной Карелии, на

основании которых можно было бы доказать Германии, что данный регион исторически, национально и культурно принадлежит Финляндии. Несколько таких исследований было выполнено. За несколько недель до начала военных действий заместитель председателя Карельского академического общества доктор Рейно Кастрен представил план устройства будущей администрации Восточной Карелии, который предусматривал постепенное включение этой территории в состав Финляндии [Лайне 1994, с. 42]. Газета «Uusi Suomi», финляндский правительственный орган, заявляла, что «Карелия является неразрывной частью Финляндии. Финляндия не может сложить оружия, пока не будет освобождена вся Карелия». Другая финская газета, «Karjala», писала, что «Финляндия имеет неоспоримое право на большую часть Советской России, не говоря уже о Карелии, до Свири, Онежского озера и Белого моря» [Морозов 1983, с. 75].

Главные идеи плана включения Карелии в состав Финляндии нашли свое воплощение в осуществлении политики Военного управления Восточной Карелии (ВУВК), созданного по приказу главнокомандующего финской армией Маннергейма от 15 июля 1941 г. на оккупированной финскими войсками территории Советской Карелии в 1941–1944 гг. Командир управления, подполковник В. Котилайнен в тот же день выпустил обращение к гражданам захваченных районов Советской Карелии, в котором объявил, что принял на себя руководство оккупированной территорией и что с этого времени каждый ее житель обязан выполнять требования финских военных властей [По обе стороны Карельского фронта 1995, с. 72–73].

Штаб управления сначала находился в г. Йюэнсуу (Финляндия), а позднее — в Петрозаводске. Территория, подчиненная управлению, была разделена на три округа: Олонецкий, Масельгский и Беломорский, каждый из которых, в свою очередь, делился на более мелкие административные единицы — участки во главе с комендантом. Комендант руководил всей административной, военной и хозяйственной жизнью участка. В наиболее крупных деревнях были уполномоченные Военного управления и их помощники — старосты, как правило, из представителей местного населения.

Аппарат управления был весьма мощным. К концу 1941 г. в нем работало 2917 сотрудников. Управление имело отделы: командный, противовоздушной обороны, административный, полицейский, надзора за населением, экономический, просвещения, финансово-контрольный, врачебно-санитарный и комендантский. Все руководящие должности как в центральном аппарате Военного управления Восточной Карелии, так и в районных администрациях занимали, как правило, финны — офицеры и чиновники, прибывшие в оккупированные районы Советской Карелии из Финляндии.

С конца июня 1941 г., первых дней оккупации северо-западной части СССР, члены Карельского академического общества оказались наиболее рьяными проводниками финской идеологии и главным инструментарием в проведении финской оккупационной политики на территории оккупированной Восточной (Советской) Карелии. Они были широко представлены в аппарате ВУВК. Так, заместителем начальника ВУВК в момент его создания стал председатель правления общества, подполковник Густав-Ронгар Нордстрем.

Финляндский исследователь Юкка Куломаа отмечает, что местный колорит Военному управлению придавала совещательная комиссия в составе 12 членов

при начальнике ВУВК, составленная из бежавших после революции из Восточной (Российской) Карелии в Финляндию «политически благонадежных» карел. Задача комиссии заключалась в оказании помощи ВУВК при выработке принципиально важных решений [Куломаа 2006, с. 44].

В документах карельских ведомственных архивов эта структура называется Советом при ВУВК, при этом подчеркивается, что в его состав вошли карелы, ушедшие из Восточной Карелии в Финляндию в начале 1920-х годов, в большинстве своем участники так называемых «племенных войн». Председателем Совета стал Пробус (Прокопий) Рахикайнен, уроженец д. Юшкозеро Калевальского района, бывший организатор восстания в 1921 г. в Ухтинском районе, член президиума Карельского академического общества с 1927 г. В совет вошли: Василий Кейняс, уроженец с. Реболы, участник «каравантюры», председатель правления Восточно-Карельского комитета; Микко Карвонен, уроженец с. Кестеньга, участник «каравантюры», член президиума Центрального союза карельских клубов (Керхо); Ласси Кунтиярви (Кундозеров), уроженец с. Оланга Кестеньгского района, организатор восстания в 1921 г. в Кестеньгском районе, секретарь Центрального союза карельских клубов (Керхо); Пауль Ипатти (Игнатъев), уроженец Ребольского района, участник «каравантюры», член правления Союза племенных воинов; Нийло Кирикки (Кириков), уроженец Ругозерского района, участник «каравантюры», член Союза племенных воинов и др. [Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за декабрь 1941 г., л. 116, 116 об.].

В период войны численность членов Карельского академического общества достигла 3 тыс. человек. В 1942 г. его правление переехало из Хельсинки в оккупированный Петрозаводск и здесь отметило свой 20-летний юбилей.

В основе оккупационной политики финских властей лежала идея о том, что коренными жителями Карелии являются только карелы и другие финно-угорские народы. Русские, проживавшие на этой территории, по мнению военного и политического руководства Финляндии, были переселены сюда насильно. Исходя из этого, присоединенную к Финляндии Восточную Карелию планировалось превратить в территорию, заселенную только финно-угорскими народами, а русских и представителей других этнических групп, считавшихся мигрантами, выселить из Карелии в захваченные немцами другие регионы Советского Союза.

В начальный период войны финским войскам удалось оккупировать 2/3 территории Советской Карелии. Однако гражданского населения, оказавшегося на ней, было значительно меньше, чем ожидали финны. Регистрация оставшегося населения осуществлялась по мере продвижения финских войск вглубь территории республики и была закончена в конце 1942 г. Но уже к концу 1941 г. стала достаточно ясна общая картина. На 21 декабря 1941 г., по данным финских исследователей, было зарегистрировано 86 119 человек, из них 35 919 родственных финнам [Сеппяля 1995, с. 102; Лайне 1995, с. 100]. В большинстве своем это были женщины, старики и дети. В дальнейшем численность колебалась незначительно, в пределах нескольких тысяч за весь период оккупации.

Российские исследователи в основном подтверждают эти цифры, отмечая, что в это число входило не только население, проживавшее до войны в Карелии, но и те, кто жил в Ленинградской области вдоль р. Свирь, не успевшие эвакуироваться и оказавшиеся на оккупированной территории [Морозов 1983, с. 77; Макуров

2005, с. 29]. По справкам начальника разведотдела НКВД КФССР, на начало февраля 1943 г. на оккупированной территории Карело-Финской ССР находилось от 80 до 90 тыс. советских граждан [Справка начальника разведотдела НКВД КФССР за январь 1943 г., л. 50].

Военное управление Восточной Карелии, исходя из утвержденных основ национальной политики на оккупированной территории, предполагало собрать все русское население в определенных местах и затем выселить за пределы Карелии в другие районы Советского Союза, которые должна была захватить Германия. С этой целью для русского населения стали создаваться концентрационные лагеря.

Составленная бюро по народонаселению статистика свидетельствует, что уже к концу 1941 г. в концлагерях было около 20 тыс. человек, в подавляющем большинстве русских. Наибольшее их количество пришлось на начало апреля 1942 г. (около 24 тыс. человек), или около 27 % от всего населения, находившегося в зоне оккупации. Это довольно высокий процент с точки зрения международного права. К концу 1942 г. численность заметно уменьшилась, как из-за большой смертности в лагерях, так и из-за того, что часть людей освободили или отправили в трудовые лагеря. После этого на протяжении всех оставшихся месяцев оккупации численность колебалась между 15 и 18 тыс. человек, или составляла около 20 % всего попавшего в оккупацию населения [Лайне 1990, с. 101; Невалайнен 1988, с. 288; Сеппяля 1995, с. 103].

До сих пор нет точных данных о том, сколько советских людей погибло в финских концлагерях, созданных для гражданского населения. Финский историк А. Лайне отмечает, что «за летние месяцы 1942 г. около 4500 человек из 22 000 умерло от недоедания и болезней. Осенью ситуация стабилизировалась и уже не ухудшалась» [Лайне 1994, с. 43]. Другой финский исследователь Х. Сеппяля пишет: «На самом деле мы не знаем, сколько советских людей умерло в наших концлагерях, не знаем, сколько находящихся на свободе людей умерло во время войны, и не знаем, сколько карелов и вепсов, увезенных в Финляндию, осталось там по окончании войны. Надо признать, что списки умерших штабом Военного управления составлены крайне небрежно. На основании их можно сделать лишь очень приблизительные выводы, если это вообще возможно» [Сеппяля 1995, с. 113].

Военная администрация Восточной Карелии разделила все оставшееся на свободе население по национальному принципу на две основные группы: коренное, или привилегированное, население (карелы и другие финно-угорские народы), и некоренное, или непривилегированное, население (русские). Местное финно-угорское население рассматривалось в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Для реализации этой цели была развернута мощная пропагандистская работа. Как отмечает финский историк А. Лайне, оккупационный режим стремился побудить карельский народ к финнофильству, сформировать в нем «знание об исторической задаче финского племени в его противодействии вековому стремлению России захватить Финляндию» [Лайне 1995, с. 43].

С первых дней оккупации финское военное командование специально выделило офицеров по культурной деятельности, чья задача состояла в проведении просветительной и пропагандистской деятельности среди карельского населения. В специальной инструкции, подготовленной для офицеров-пропагандистов, указывалось: «1. Пробудить сочувствие к карельскому народу среди финских сол-

дат, которые должны относиться к карелам не как к своим врагам, а как к своему родственному братскому народу. Убедить карелов, что финские войска пришли освобождать находящийся под гнетом русских карельский народ. 2. Доказать карельскому населению, что русские на карельской земле не в силах были построить крепкое устойчивое хозяйство. Разъяснить, что русские использовали средства не для развития карельского народного хозяйства, а для мировой революции. 3. Объяснить, что карельское население должно спокойно продолжать работу на прежних местах...» [Инструкция Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за ноябрь – декабрь 1941 г., л. 159–160].

В структуре Военного управления Восточной Карелии был создан 2-й отдел — просвещения (Валистустоймисто), который ведал вопросами организации школьной сети, пропаганды и агитации, печати и религиозного культа [Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за 1942 г., л. 34–36]. В проводимых отделом мероприятиях следовало отмечать незначительность деятельности Советского Союза для карелов, подчеркивать национальное и естественное единство Финляндии и Карелии. Как пишут финские исследователи, в просветительной работе проглядывала идеология Карельского академического общества, исходившая из противопоставления и противостояния «финского и славянского начал», финно-угорских народов с русскими [Лайне 1995, с. 103; Сеппяля 1995, с. 115].

Важнейшими средствами воздействия на местное финно-угорское население были газеты и радио. Органом Военного управления Восточной Карелии стала газета «*Vapaa Karjala*» («Свободная Карелия»), издававшаяся на финском языке и выходившая один раз в неделю на протяжении всех лет оккупации. Первый номер вышел в августе 1941 г. тиражом в 5 тыс. экз. К концу этого года тираж достиг 10 тыс. экз., а в 1943 г. составлял уже 11 700 экз. Главное направление газеты состояло в принижении русского народа и возвеличивании идеи Великой Финляндии. С 1942 г. Военное управление выпускало газету «*Paatenan Viesti*» («Паданские вести») на финском языке тиражом 1400 экз.

Что касается русских жителей, то им были доступны приложения к издававшейся для военнопленных газете «Северное слово», выпускавшиеся в 1943 и 1944 гг. для гражданского населения. Эти материалы также носили чисто пропагандистский характер, подчеркивали роль финнов в Восточной Карелии. Так, «Северное слово» в начале 1943 г. писало: «Прошедший 1942 год имел большое значение в развитии и подъеме Восточной Карелии. Финское Военное управление освобожденной Карелии продолжило работу по освобождению населения от большевистского рабства. Много было сделано в области улучшения материального положения, а также дано хорошее начало для поднятия экономического положения населения до уровня остальной Финляндии. Со стороны Финского Военного командования и Красного Креста особое внимание было уделено санитарной деятельности. К концу года в Восточной Карелии функционировали 2 большие финские больницы, 3 меньших размеров, 2 родильных дома, 11 амбулаторий и 7 санитарных пунктов... Все это свидетельствует о стремлении коренных финнов помочь своим братьям по крови и создать им достойную человека свободную жизнь в освобожденной Карелии» [В единении со свободной Финляндией — будущность Восточной Карелии, 1943, с. 3].

«Радио Олонца» («Aunuksen radio») было основано военным командованием. Уже в августе 1941 г. отдел просвещения Военного управления Восточной Карелии счел необходимым подчеркнуть, что программы, предназначенные для гражданского населения, должны быть в его руках. В октябре 1941 г. «Радио Олонца» переехало в Петрозаводск в находящийся там радиоцентр. На начальной стадии в программах радио наряду с финским использовался и русский язык, но от него отказались уже в апреле 1942 г., увеличив количество программ на карельском языке. Военное управление позаботилось и о том, чтобы у пропагандистских радиопередач была по возможности большая аудитория. В марте 1942 г. на оккупированной территории было 84 радиоточки, власти организовали 900 коллективных прослушиваний, в которых приняли участие 16 тыс. человек. К весне 1944 г. только в Петрозаводске насчитывалось уже более 1 тыс. радиоточек [Сеппяля 1995, с. 119].

Средством усиления финского влияния на местное прибалтийско-финское население становилось и школьное обучение. 5 января 1942 г. было обнародовано постановление об основах народной школы в Восточной Карелии. Языком обучения во всех школах стал финский язык. По этой причине русские дети оставались вне народной школы вплоть до конца 1943 г. К концу 1941 г. было основано уже 53 народные школы, в которых насчитывалось 4700 учеников. В 1944 г. количество школ выросло до 112, в них работал 331 преподаватель и обучалось 8393 ученика, т. е. около четверти всего родственного финнам населения посещало школу [Лайне 1995, с. 103].

Русские школы стали открывать только в 1943 г., что объяснялось сложившейся для финнов неблагоприятной обстановкой на фронте. Одна русская школа была создана в Петрозаводске для находящихся на свободе детей и пять — для детей, находящихся в лагерях. К концу оккупации насчитывалось 15 школ для русских детей, 7 из которых находились в лагерях. В них было 87 учителей и 3 тыс. учеников [Сеппяля 1995, с. 116]. Однако русские дети с неохотой шли в школы, организованные финнами.

В учебных планах и программах народных школ для прибалтийско-финского населения особенно большое внимание уделялось мировоззренческим предметам: истории, географии, финскому языку и религии. «Книгу о Великой Финляндии», подготовленную к печати советником Министерства образования Финляндии К. Мерикоски использовали в качестве учебника по истории и географии. В 1942 г. был издан учебник «Моя страна — Великая Финляндия». В финских учебниках в период войны были сделаны специальные дополнения для учащихся народных школ Восточной Карелии. В обучении преобладало финское национальное воспитание, а сам учебный процесс был направлен на пропаганду идеи Великой Финляндии, которая должна была включать и территорию Советской Карелии.

В преподавании истории пытались показать, что советская государственная система ничего не сделала для карельского населения, что русские были и остаются извечными врагами финнов и родственных им народов. Преподавание географии хорошо укладывалось в два слова — Великая Финляндия, в которую следовало «вернуть» как составную ее часть Восточную Карелию. Большое внимание в обучении финские оккупационные власти отводили также религии, считая ее одним из действенных средств антикоммунистического воздействия на молодежь.

По мнению финских авторов, повышению популярности народных школ среди местного финно-угорского населения способствовало то обстоятельство, что при них стали открываться столовые, где учеников бесплатно кормили. Первые школьные столовые были открыты в январе 1942 г., в феврале этого года их насчитывалось 54, а в марте — 64. Кроме того, в период войны в различные школы и народные училища, а также на курсы в Финляндию была отправлена большая группа карельской молодежи.

На оккупированной территории в народных школах преподавали учителя в основном из Финляндии. Осенью 1941 г. в Финляндии был проведен набор учителей для работы в Восточной Карелии. Из 630 претендентов было отобрано 128 человек. С 3 по 9 ноября 1941 г. для них были организованы курсы при Хельсинкском университете.

Особую группу учителей составляли те, кто работал в школах в советское время. Их направляли для обучения в Финляндию, полагая, что на краткосрочных курсах удастся вытравить из них коммунистическое мировоззрение. Так, в конце 1941 г. со всей оккупированной территории Карелии финские власти стали собирать в Петрозаводске бывших советских учителей, в большинстве своем карелов и вепсов. В декабре 1941 г. они были направлены в Финляндию в учительский лагерь Миеслахти. Всего прибыло 59 женщин и 13 мужчин. Преподавателями этого учительского лагеря стали откомандированные Военным управлением Восточной Карелии офицеры, которые были педагогами по специальности. Кроме того, в качестве преподавателей выступали учителя г. Каяни и Сортавальской семинарии, эвакуированной в Каяни. После окончания курсов бывшие советские учителя вернулись обратно на оккупированную территорию Карелии для работы в народных школах [Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за ноябрь — декабрь 1941 г., л. 292].

Пропаганде идеи Великой Финляндии среди местного населения была подчинена и культурно-просветительная работа Военного управления Восточной Карелии. Она началась с изъятия у жителей, а также из библиотек советской литературы. Опись книг, подлежащих уничтожению, составляла 157 стр. Для искоренения «нежелательной литературы» в народных школах было организовано соревнование по сбору «коммунистической литературы» на русском и финском языках. Вместо изъятых советской литературы была привезена финская. К концу 1941 г. на оккупированной территории Советской Карелии были открыты 3 библиотеки. В отчете Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. говорилось, что «библиотеки использовались удовлетворительно, главным читателем является молодежь. Более всего читаются иллюстрированные издания, популярные произведения и, особенно, молодежные книги и сказки» [По обе стороны Карельского фронта 1995, с. 196].

Финские власти организовали также демонстрацию киносеансов. В конце 1941 г. Военным управлением Восточной Карелии был получен киноаппарат, который возили в места назначения на санях. Первые кинотеатры были открыты в начале 1942 г. Билет стоил 5 марок, но практиковался и бесплатный просмотр кинолент, которые носили ярко выраженный пропагандистский характер.

Важным средством идеологического воздействия на местное население захваченной Карелии являлись праздники, устраиваемые оккупационными властями.

В Петрозаводске для их проведения часто использовалась центральная площадь — площадь Кирова, переименованная финнами в площадь Свободы. Главной темой праздников была пропаганда «финских традиций и национального духа».

Первым крупным мероприятием такого рода стало празднование Дня независимости Финляндии 6 декабря 1941 г., которое отмечалось на всей оккупированной финнами территории. Также проводились дни «Калевалы», Матери, финского флага, такие праздники, как день рождения маршала Маннергейма, праздник урожая, освобождения деревень и др. Очень часто праздники устраивались в народных школах. В отчете Военного управления Восточной Карелии за декабрь 1941 г. указывалось, что «в смысле обработки настроения населения праздники сыграли значительную роль» [Куломаа 2006, с. 167].

Религиозное воспитание среди местного прибалтийско-финского населения имело целью усилить финское влияние в Восточной Карелии. Лютеранские круги Финляндии хотели обратить карелов в свою веру. Все представители Академического карельского общества и военный епископ, работавшие на оккупированной территории Карелии, были сторонниками лютеранства. Правда, сотрудники Военного управления Восточной Карелии понимали, что Карелия была традиционно православным регионом, тем не менее православные священники были в худшем положении по сравнению с лютеранскими. Так, в 1943 г. лютеранские священники относились по категории оплаты к 28–29-му разрядам, а православные — только к 25-му разряду [Сеппяля 1995, с. 119].

Первый священник-лютеранин был назначен в Петрозаводск в ноябре 1941 г. Первый православный священник прибыл сюда в декабре 1941 г. В этом же месяце накануне Рождества прошло первое богослужение в Крестовоздвиженской церкви. К концу 1941 г. в Восточной Карелии насчитывалось 9 лютеранских священников и 4 помощника, 9 православных священников и 2 помощника.

Как отмечают финские исследователи, сначала существовали проблемы с организацией церковных служб. Так, в Петрозаводске из-за отсутствия подходящего помещения для богослужения лютеранский священник проводил службы в зале народной школы. Позднее для этих целей было предоставлено бывшее здание Дома Красной Армии. В населенных пунктах, оккупированных финнами, для проведения служб использовались клубы и здания школ. В конце 1941 г. 7 тыс. экземпляров Нового Завета было распространено по округам Военного управления Восточной Карелии. Также местному населению были розданы молитвенники, сборники духовных песен, церковные календари, православные и лютеранские газеты, изданные в Финляндии, крестики, восковые свечи и др. [По обе стороны Карельского фронта 1995, с. 208].

Учитывая протесты карельского населения против обращения его в лютеранство, главнокомандующий финскими войсками К. Маннергейм 24 апреля 1942 г. издал приказ, согласно которому запрещалась пропаганда смены конфессий и жители Карелии получали право свободно выбирать православную или лютеранскую веру. К концу 1943 г. из находившегося на свободе населения Восточной Карелии к церкви приобщилось 48 %, из них коренного — 66 % и некоренного — 24 %. Православную церковь посещало 45 % населения, лютеранскую — 3 % [Лайне 1995, с. 105; Сеппяля 1995, 118]. Эти цифры показывают, что в годы оккупации традиционная православная вера оставалась для карелов определяющей, как и в довоенный пе-

риод. Сами финские исследователи признают, что религиозное воспитание на протяжении трех лет не в силах было истребить веру местного населения в правоту советского строя, религиозная работа не дала заметных результатов [Сеппяля 1995, с. 118; Лайне 1995, с. 105].

Попытки финнизации карельского населения ярко проявились и в топонимике. Отдел просвещения Военного управления Восточной Карелии, ведавший изменением топонимов, уже в августе 1941 г. предложил переименовать Петрозаводск в Яанислинна (Крепость на Онего), а Кемь — в Виенанлинна (Крепость Беломорья). Это обосновывалось великофинляндскими мотивами. В Финляндии уже существовал город Кеми, и в будущей Великой Финляндии два города с близкими названиями были ни к чему. Петрозаводск считался топонимом русского происхождения. Дать этим городам новые названия было решено сразу после захвата Восточной Карелии. Петрозаводск был переименован 1 октября 1941 г., а Кемь переименовать не удалось, так как финские войска не смогли взять ее. Используя карельское название Олонца (Аунус), по инициативе Военного управления город переименовали в Аунуслинна (Крепость Олонии). На некоторых финских картах военного времени можно увидеть, что и Лодейное Поле, к которому финские войска даже не подошли, было переименовано в Пеллонлинна.

Осенью 1941 г. Военное управление Восточной Карелии направило в оккупированные районы рекомендательные списки о переименовании улиц в городах и селах Восточной Карелии. Для этого предлагались имена героев так называемых «племенных войн» и происходящей войны, а также имена героев национального эпоса «Калевала». Новые названия улиц в Петрозаводске были утверждены Военным управлением Восточной Карелии в конце 1942 г. Их оказалось около 90. Так, ул. Ленина была переименована в Карельскую, ул. Герцена — в Олонецкую, ул. Кирова — в Калевальскую, ул. Дзержинского — в Вяйнямейнена, ул. Комсомольская — в Сампо, ул. Анохина — в Егерскую, ул. Горького — в Воина-соплеменника и др. Цель была прежняя — усилить финское влияние в Восточной Карелии, вбить клин между прибалтийско-финским и русским населением. Газета оккупационной администрации «*Varaa Karjala*» 12 февраля 1943 г. по этому поводу писала: «У каждого карела есть основание радоваться исчезновению следов большевизма, позднее это будет сделано и в других городах Восточной Карелии. Появившиеся в названиях улиц национальные мотивы возвещают, что Восточная Карелия освободилась от оков рюссей» [*Varaa Karjala* 1943].

С первых недель оккупации сотрудники Военного управления Восточной Карелии стали обращать внимание на имена, даваемые при крещении детей. Из регистраций крещений видно, что осенью 1941 г. детям карельской и вепсской национальности давали русские имена. Олонецкий штаб Военного управления потребовал от священнослужителей разъяснить населению, что подобные имена абсолютно неуместны в Финляндии. Они должны были убеждать родителей давать своим детям финские имена. В качестве приложения имелся список одобренных православной церковью финских имен. Но лишь немногие жители Карелии в период оккупации сменили свои фамилии и имена на финские. За 1941–1944 гг. таких жителей оказалось 2263 [Сеппяля 1995, с. 119].

Разделение населения оккупированной Карелии на коренное (прибалтийско-финское) и некоренное (русское) проявлялось также при распределении продо-

вольствия и выплате заработной платы. Военное управление Восточной Карелии выдавало неработающему свободному населению продукты по карточкам. Первые нормы были такими: финнам и карелам выдавали 300 г муки в день и 400 г сахара в месяц, русским — только 200 г муки в день и 250 г сахара в месяц. Вне зависимости от национальности работающие получали в день дополнительно по 150 г хлеба. В октябре 1941 г. карелам выдали по 500 г сахара, а русским — до 300 г. Эти нормы в отдельных оккупированных районах были разными и постоянно менялись. Так, нормы продуктов в Петровском районе составляли: для финнов и карелов — 500 г хлеба в день, 950 г жиров в месяц, для русских — 350 г хлеба в день и 750 г жиров в месяц [Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за 1942 г., л. 56].

Из отчета Военного управления Восточной Карелии о состоянии распределения продуктов питания за декабрь 1941 г. следует, что неработающее карельское население могло получить по продовольственным карточкам следующие продукты: муки — 7,5 кг, сахара — 1 кг, маргарина — 150 г, картофеля — 15 кг, кроме того, в ноябре и декабре — мяса на 15 марок. Русское население могло получать такую же норму, за исключением муки, которой они получали на 1,5 кг меньше. Работающие карелы и русские получили дополнительно по 4,5 кг муки и 350 г маргарина в декабре, а также мяса на 15 марок в ноябре и декабре 1941 г. [Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за декабрь 1941 г., л. 164].

Национальный принцип выдерживался и при выплате заработной платы. Штаб Военного управления Восточной Карелии утвердил расценки работ, производимых местным населением на оккупированной территории, установив, что русским и прочим «нетитульным», инородным, рабочим выплачивается 50–60 % утвержденных для финнов и карелов норм. Например, плотники-карелы получали 7–10 марок в час, русские — 4,9–7 марок; женщины на разных работах — соответственно 3,5–6 марок в час и 2,5–4 марки в час [Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за 1942 г., л. 23].

Устанавливая нормы снабжения и расценки на производимые работы в зависимости от национальности, оккупационный режим пытался стимулировать «финнизацию» местного населения. Так, обнаружив очень мало прибалтийско-финского населения в Петрозаводске, Кондопожском районе, Заонежье и то, что многие люди с карельскими фамилиями продолжали считать себя русскими и не желали получать карельские паспорта, власти увеличили для лиц, имеющих карельские паспорта, хлебную и продовольственную нормы в 2 раза, заметно повысили им заработную плату, давали лучшие земельные и сенокосные угодья. Кто имел паспорт карела, получал по 7–8 марок в час, между тем русские за аналогичную работу получали 2–3 марки [Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за 1942 г., л. 46, 50].

Ярко выраженное пропагандистское значение имела попытка привлечь местное карельское, финское и вепское население к вооруженной борьбе против СССР. Еще до начала военных действий приказом от 23 июня 1941 г. Маннергейм объявил о мобилизации проживавших в Финляндии ингерманландцев, олонецких и беломорских карелов, а также финнов — участников так называемых «племенных войн». Так были сформированы Беломорский (Виэнан) и Олонецкий (Аунуксен)

родственные (прибалтийско-финские) батальоны. Вместе с некоторыми другими подразделениями они вошли в состав Олонецкой оборонительной бригады. В октябре 1942 г. Олонецкая бригада была расформирована и из ее состава выделили батальон, состоявший преимущественно из карелов. Его переименовали в 3-й родственный (финно-угорский) батальон «Хеймо» (братский батальон). В состав батальона были включены также представители местного финно-угорского населения из числа военнопленных [Инструкция Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за декабрь 1941 г., л. 88]. По мнению финского военного командования, 3-й родственный батальон должен был воевать за освобождение «соплеменников», вдохновлять жителей Карелии на борьбу против СССР или хотя бы расположить местное население к финской армии. По одним данным, численность батальона составляла 1070, по другим — 1115 человек, из которых 837 ранее служили в Красной Армии [Сеппяля 1995, с. 120].

Хотя в батальон отбирали людей, заслуживающих доверия финских властей, их надежность проверялась в особом лагере Ахонлахти (район г. Савонлинна), где служба безопасности внедрила в батальон своих людей. Уже там выявилось несколько офицеров, которые намеревались перейти на советскую сторону или уйти в партизаны в тыл финнов. Их отправили обратно в лагерь для военнопленных.

В течение четырех месяцев (с ноября 1942 по февраль 1943 г.) личный состав батальона занимался строевой, боевой и тактической подготовкой. Все участники батальона должны были подписать обязательства добровольца следующего содержания: «Я, (фамилия, имя, отчество), добровольно вступая в финскую армию, обязуюсь честно и добросовестно служить финскому правительству в его борьбе против советской власти и большевизма. За нарушение дисциплины буду привлечен к ответственности».

3-й родственный батальон в мае 1943 г. перебросили на Карельский перешеек, и через три недели он был направлен на передовую. В течение всего периода его существования на нем лежала печать недоверия, он так и не стал своим для финского командования. Было немало случаев перехода части бойцов на сторону Красной Армии, побегов за линию фронта. Часть людей из родственного батальона после войны Финляндия передала Советскому Союзу, где их ждала трагическая судьба предателей, часть — успела уйти на Запад, в основном в Швецию.

Национальная политика Военного управления Восточной Карелии на оккупированной территории стала меняться с 1943 г., когда финское военное руководство начало осознавать, что Германия не победит в войне против Советского Союза, а ведущие страны антигитлеровской коалиции договорились на Тегеранской конференции о принципах заключения мира. Было отменено национальное размежевание при распределении продуктов питания и оплаты труда среди гражданского населения. С 1943 г. стали открывать школы для русских детей. После катастрофы голода в 1942 г. из лагерей были освобождены тысячи русских, чтобы они могли свободно проживать в деревнях, правда, не смешиваясь с карельским населением. Пайки для оставшихся в лагерях были увеличены, а сами концлагеря переименовали в лагерь для перемещенных лиц.

Уже осенью 1943 г. штабом Военного управления Восточной Карелии был разработан план эвакуации с оккупированной территории. Эвакуации подлежало только родственное население (по предварительным оценкам, оно составляло око-

ло 43 тыс. человек). Русскоязычное население предполагалось оставить по месту жительства или в концлагерях.

Летом 1944 г. в планы эвакуации из Восточной Карелии были внесены изменения. В приказе финского военного командования местное население уже не подлежало обязательной эвакуации. В случае, если бы жители направились в Финляндию по собственной инициативе, им следовало оказывать помощь.

Результаты национальной политики финских властей на оккупированной территории Советской Карелии, отношение к ней местного населения ярко проявились на заключительном этапе военных действий на Севере, когда в ходе наступления советских войск летом 1944 г. начались отступление финских воинских частей и эвакуация с ними местных жителей. По данным финских источников, на оккупированной территории Карелии к лету 1944 г. всего оставалось 83 540 местных жителей. Из них 68 453 человека проживали в населенных пунктах, 14 926 — в переселенческих лагерях и 162 человека — в концентрационных лагерях. Около половины — 41 803 человек — относились к родственным финнам народам (карелы, финны, вепсы, ингерманландцы) [По обе стороны Карельского фронта 1995, с. 541–553]. С оккупированной территории Карелии в Финляндию эвакуировалось 2799 человек, или только 3,35 % всего населения зоны оккупации. Из них представителей родственных финнам народов насчитывалось 2196 человек (карелов — 1422, вепсов — 314, финнов — 214, ингерманландцев — 176, прочих — 70), других нефинских народов — 603 (русских — 244, украинцев — 259, прочих — 100) [Сентября 1995, с. 126].

Численность людей, переселившихся в Финляндию, была незначительной. Большая часть местных жителей, несмотря на массивную националистическую пропаганду, осталась верна советскому строю и не захотела переезжать в чужую страну, тем более такую, которая находилась на грани военного поражения. Для некоторых эвакуация была неизбежной: для тех, кто находился на службе у финских оккупационных властей и боялся привлечения к суду за предательство, для женщин, состоявших в браке с финнами или мужчинами, ушедшими в родственные батальоны, для самих бойцов этих батальонов.

В целом можно отметить, что национальная политика финского оккупационного режима в Карелии в 1941–1944 гг., направленная на решение «карельского вопроса» на базе присоединения Восточной Карелии к Финляндии, не принесла желаемых результатов. Оккупационному режиму не удалось привлечь на свою сторону советских карелов, вепсов, финнов. Более того, те, кого пришли освобождать от «русской неволи», сами с оружием в руках вместе с русским и другими народами Советского Союза отстаивали независимость своей страны.

Источники и литература

Барышников В. Н. К вопросу о ксенофобии: была ли советско-финляндская война 1939–1940 гг. «войной Эркко»? // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 7. С. 61–72.

Барышников В. Н. Финны на службе в войсках СС в годы Второй мировой войны. СПб.: РХГА, 2014. 200 с.

Васара В.-Т. Деятельность Академического карельского общества (АКС) в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2008. № 2. С. 222–235.

- Васара В.-Т. К вопросу об отношении ИКЛ с Третьим рейхом (по материалам Национального архива Финляндии) // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2009. № 3. С. 93–110.
- Васара В.-Т. Лапуаское движение (1929–1932 гг.) и путч в Мянтысяле // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2007. № 1. С. 91–104.
- Васара В.-Т. Некоторые взгляды на вопрос о происхождении ненависти ко всему русскому в Финляндии // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2010. № 4. С. 244–256.
- В единении со свободной Финляндией — будущность Восточной Карелии // Северное слово. 1943. 30 янв. С. 1.
- Веригин С. Г. Национальная политика финских оккупационных властей в Восточной Карелии в 1941–1944 гг. // Северная Европа. Проблемы истории / отв. ред. А. А. Комаров, О. В. Чернышева. М.: Наука, 2011. С. 146–162.
- Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за декабрь 1941 г. // По обе стороны Карельского фронта. Петрозаводск: Карелия, 1995. С. 154–175.
- Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за ноябрь 1941 г. // Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 6. Д. 12, т. 3. Л. 110–295.
- Из отчета Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за 1942 г. // Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 8. Оп. 1. Д. 1127. Л. 25–70.
- Инструкция Финского Военного управления Восточной Карелии о состоянии дел за декабрь 1941 г. // Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (Архив УФСБ РК). Ф. 35. П./ф. 20. Оп. 1. Д. 8. Л. 20–165.
- Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: МП «Барс», 1998. 322 с.
- Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: Версо, 2006. 277 с.
- Лайне А. Гражданское население Восточной Карелии под финляндской оккупацией во второй мировой войне // Карелия, Финляндия и Заполярье во второй мировой войне. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 41–43.
- Лайне А. Национальная политика финских оккупационных властей в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера (проблемы социальной экономики и политики: 60-е годы XIX–XX вв.): сб. науч. статей. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. С. 99–106.
- Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1990. С. 100–101.
- Макуров В. Г. Петрозаводск в годы суровых испытаний 1941–1945. Петрозаводск: Паритет, 2005. 80 с.
- Мейнандер Х. Финляндия, 1944. Война, общество, настроения. М.: Весь мир, 2014. 248 с.
- Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Карелия, 1983. 237 с.
- Невалайнен П. Карелия после 1917 года // История карельского народа. Петрозаводск: МП «Барс», 1988. С. 243–308.
- По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск: Карелия, 1995. 636 с.
- Септяля Х. Финляндия как оккупант // Север. 1995. № 4–5. С. 96–113.
- Справка начальника разведотдела НКВД КФССР за январь 1943 г. // Архив Управления Федеральной службы безопасности РФ по РК (Архив УФСБ РФ по РК). Ф. 35. П./ф. 20. Д. 117. Л. 5–50.
- Vараа Karjala // Vараа Karjala. 1943. 12 helminkuu.

References

- Baryshnikov V.N. K voprosu o ksenofobii: byla li sovetko-finlyandskaya voina 1939–1940 gg. “voinoi Erkko”? [Question of xenophobia: was the Soviet-Finnish war of 1939–1940 “war of Erkko”?]. *Trudy kafedry Novogo i noveishego vremeni [Proceedings of the Chair of Modern and Contemporary History]*, 2011, no. 7, pp.61–72. (In Russian)
- Baryshnikov V.N. *Finny na sluzhbe s voiskah SS v gody Vtoroy mirovoy voyny [Finns on the service of SS troops during World War II]*. St. Petersburg, Russian Christian Humanitarian Academy Publ., 2014, 200 p. (In Russian)
- Vasara V.-T. Deyatelnost Akademicheskogo karelskogo obschestva (AKS) v Finlyandii [Activity of Academic Karelian society (AKS) in Finland]. *Trudy kafedry Novogo i noveishego vremeni [Proceedings of the Chair of Modern and Contemporary History]*, 2008, no. 2, pp. 222–235. (In Russian)

- Vasara V.-T. K voprosu ob otnoshenii IKL s Tretjim reihom [Question of relationship between IKL and the Third Reich (according materials of the National Archive of Finland)]. *Trudy kafedry Novogo i noveishego vremeni* [Proceedings of the Chair of Modern and Contemporary History], 2009, no. 3, pp. 93–110. (In Russian)
- Vasara V.-T. Lapuaskoe dvizhenie (1929–1932) i putch v Myantsyale [The Lapua Movement (1929–1932) and coup in Mantsala]. *Trudy kafedry Novogo i noveishego vremeni* [Proceedings of the Chair of Modern and Contemporary History], 2007, no. 1, pp. 91–104. (In Russian)
- Vasara V.-T. Nekotorye vzglyady na vopros o proishozhdenii nenavisti ko vsemu russkomu v Finlyandii [Some views about question of rising of hatred towards all Russian in Finland]. *Trudy kafedry Novogo i noveishego vremeni* [Proceedings of the Chair of Modern and Contemporary History]. 2010, no 4, pp. 244–256. (In Russian)
- V edinenii so svobodnoy Finlyandiyei — buduschnost Vostochnoy Karelii [Side by side with free Finland — future of the Eastern Karelia]. *Severnoe slovo* [Northern word], 1943, 30 jan., p. 1 (In Russian)
- Verigin S. G. *Natsionalnaya politika finskikh okkupatsionnykh vlastey v Vostochnoy Karelii v 1941–1944 godah. Severnaya Evropa. Problemy istorii* [National politics of the Finnish occupational authorities in the Eastern Karelia in 1941–1944. Northern Europe. Problems of history]. Eds A. A. Komarov, O. V. Chernysheva. Moscow, Nauka Publ., 2011, pp. 146–162. (In Russian)
- Iz otcheta Finskogo Voennogo upravleniya Vostochnoy Karelii o sostoyanii del za dekabr 1941 g. [From the status report of the Finnish Military Directorate of the Eastern Karelia for December 1941]. *Po obe storony Karelskogo fronta* [On both sides of the Karelian front]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1995, pp. 154–175. (In Russian)
- Iz otcheta Finskogo Voennogo upravleniya Vostochnoy Karelii o sostoyanii del za noyabr-dekabr 1941 g. [From the status report of the Finnish Military Directorate of the Eastern Karelia for November-December 1941]. *Archiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti RF po RK* [Karelian Archive of Federal Security Service Directorate of the RF] (Archive Karelian UFSB of the RF), f. 6, d. 12, vol. 3, ll. 110–295. (In Russian, unpublished)
- Iz otcheta Finskogo Voennogo upravleniya Vostochnoy Karelii o sostoyanii del za 1942 [From the status report of the Finnish Military Directorate of the Eastern Karelia for 1942]. *Natsionalnyy Archiv Respubliki Kareliya* (NARK) [National Archive of the Republic of Karelia], f. 8, op. 1, d. 1127, ll. 25–70. (In Russian, unpublished)
- Instruktsiya Finskogo Voennogo upravleniya Vostochnoy Karelii o sostoyanii del za dekabr 1941 [Status instruction of the Finnish Military Directorate of the Eastern Finland for December 1941]. *Archiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti RF po RK* [Karelian Archive of Federal Security Service Directorate of the RF (Archive Karelian UFSB of the RF)], f. 35, P./f. 20, op.1, d.8, ll. 20–165. (In Russian, unpublished)
- Kirkinen H., Nevolainen P., Sikhvo H. *Istoriya karelskogo naroda* [History of Karelian People]. Petrozavodsk, MP “Bars” Publ., 1998, 322 p. (In Russian)
- Kulomaa Y. *Finskaya okkupatsiya Petrozavodsk* [Finnish occupation of Petrozavodsk], 1941–1944. Petrozavodsk, Verso Publ., 2006, 277 p. (In Russian)
- Laine A. *Grazhdanskoe naselenie Vostochnoy Karelii pod finlyandskoy okkupatsiei vo vtoroy mirovoy voine* [Civil population of the Eastern Karelia under the Finnish occupation during World War II]. *Karelia, Finlyandiya i Zapolyarje vo vtoroy mirivoy voine* [Karelia, Finland and Arctic Circle during World War II]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Press, 1994, pp. 41–43. (In Russian)
- Laine A. *Natsionalnaya politika finskikh okkupatsionnykh vlastey v Karelii* [National politics of the Finnish occupational authorities in Karelia]. *Voprosy istorii Evropeiskogo Severa (problemy sotsialnoy ekonomiki i politiki: 60-e gody XIX–XX vv.)* [Questions of history of the European North (problems of social economy and politics: 60's of 19th–20th centuries): collection of scientific articles. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Press, 1995, pp. 99–106. (In Russian)
- Laine A. *Natsionalnyy vopros v finskoy okkupatsionnoy politike v Sovetskoj Karelii vo vremya vtoroy mirovoy voiny* [National question in Finnish occupational politics in the Soviet Karelia during World War II]. *Evropeyskiy Sever: istoriya i sovremennost* [European North: history and modern times]. Petrozavodsk, Publ.by Karelian Research Center RAS, 1990, pp. 100–101. (In Russian)
- Makurov V. G. *Petrozavodsk v gody surovyyh ispytany 1941–1945* [Petrozavodsk during trying ordeal]. Petrozavodsk, Paritet Publ., 2005, 80 p. (In Russian)
- Meinander H. *Finlyandiya, 1944: Voyna, obschestvo, nastroyeniya* [Finland, 1944: War, society, sentiment]. Moscow, “Ves mir” Publ., 2014, 248 p.
- Morozov V. G. *Karelia v gody Velikoy Otechestvennoy voiny (1941–1945)* [Karelia during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1983, 237 p. (In Russian)

- Nevalainen P. *Kareliya posle 1917 goda* [*Karelia after 1917*]. Istoriya karelskogo naroda [History of Karelian people], Petrozavodsk, MP "Bars" Publ., 1998, pp. 243–308. (In Russian)
- Po obe storony Kareskogo fronta* [*On both sides of the Karelian front*]: documents and materials. Petrozavodsk, Karelia Publ., 1995, 636 p. (In Russian)
- Seppälä H. Finlyandiya kak okkupant [Finland as an occupant]. *Sever*, 1995, no. 4–5, pp. 96–113. (In Russian)
- Spravka nachalnika razvedotdela NKVD KFSSR za yanvar 1943 [Report of the head of intelligence department of NKVD of Karelian-Finnish SSR for January 1943]. *Archiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti RF po RK* [*Karelian Archive of Federal Security Service Directorate of the RF*] (Archive Karelian UFSB of the RF), f. 35, P./f. 20, d. 117, l. 50. (In Russian, unpublished)
- Vapaa Karjala [Free Karelia]. *Vapaa Karjala* [*Free Karelia*], 1943, February 12 (In Finnish)

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2016 г.,
рекомендована в печать 26 января 2017 г.